

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

"Ein Rusch Boeck...": Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln etc., 1994. 400 S.

Fałowski A. "Ein Rusch Boeck...": rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa. Kraków, 1996. 180 s.

Древнейший из дошедших до нас русско-(нижне)немецких словарей-разговорников¹, являющийся вместе с тем и одним из наиболее значительных свидетельств иностранцев о русском языке средневековья, — анонимная рукопись XVI в., хранившаяся сначала в Берлине, а после второй мировой войны — в Кракове и уже более полутора столетий известная славистам (см. [Строев 1841: 134–139]), хотя в основном понаслышке, наконец, благодаря трудам польского русиста Адама Фаловского, стала достоянием научной общественности. Образцовое издание памятника, получившего отныне название "Ein Rusch Boeck..." — по его первым словам: "Ein Rusch Boeck Bin Ick Genanth" ("Я называюсь русская книга"), вышло в издательстве "Böhlau" в серии "Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte", снискавшей заслуженное признание специалистов целым рядом публикаций, выполненных на самом высоком научном уровне. За изданием текста вскоре последовала монография, содержащая его всестороннее лингвистическое описание, что нельзя не приветствовать — ведь эдиционные предприятия обычно ограничиваются изданием и крайне редко увенчиваются столь подробным исследованием, какое представил нам А. Фаловский; в этой связи нельзя не вспомнить организованную при участии выдающихся славистов многолетнюю (и многолетнюю) публикацию раз-

говорника Тенниса Фенне, к сожалению, не свободную от неверных интерпретаций и в итоге так и не завершенную — если считать завершением научный анализ материала. Краковский исследователь в полной мере учел опыт издания Фенне, сумев избежать таких недостатков этой (во многих отношениях эталонной) публикации, как, например, достаточно произвольная кириллическая транскрипция текста. Вследствие того, что "Ein Rusch Boeck..." (далее — RB) по объему в два с половиной раза уступает разговорнику Фенне, издатель смог совместить в одном томе фототипическое воспроизведение рукописи (с. 211–398), ее наборный текст (с. 19–126) и указатель слов и форм (с. 127–209), предпослав публикации весьма информативное введение (с. 1–16), где, в частности, перечислил и кратко охарактеризовал другие русско-иноязычные рукописные словари и разговорники, указав основную литературу об издаваемой рукописи. дал ее палеографическое описание, попытался установить время и место создания RB и провел обзор его содержания. Наиболее интересный вывод касается, разумеется, хронологического и диалектного приурочения текста: предварительные наблюдения позволили исследователю с вероятностью датировать его временем между 1526 и 1568 гг. и отметить в качестве возможного территориального ориентира, что единственным русским городом, упоминаемым в разговорнике (не в словаре!), является Псков. А. Фаловский специально подчеркнул, что автор рукописи — немец, владевший русским языком настолько хорошо, что, по мнению исследователя, он решительно пре-

¹ Русско-верхненемецкий словарь и разговорник Томаса Шрове, восходящий к нижненемецкому протографу конца XV в. и копии 1546 г., сохранился только в копии конца XVI в. (см. [Фаловский 1992: 22–23]).

восходит других иностранцев, создавших известные нам словари и разговорники.

Обращение к тексту подтверждает эти наблюдения. Построив свой словарь-разговорник по схеме (и, очевидно, по образцу) тех, насколько можно теперь судить, немалочисленных (хотя и сохранившихся до наших дней в крайне ограниченном количестве) русско-немецких языковых пособий, которые были призваны помочь заморским купцам в их коммерческой деятельности на Руси, неизвестный немецкий автор – так же, как полустолетием позднее Фенне – наполнил эту схему богатым набором лексики, затрагивающей важнейшие сферы жизни (включая и столь популярную ныне "экспрессивную" лексику), многообразной фразеологией и содержательными диалогами. Однако было бы преувеличением считать, что рукопись совершенно адекватно отражает живую русскую речь того времени, когда она создавалась. Поскольку в основе разговорника лежал, скорее всего, аналогичный текст более раннего происхождения (частично послуживший, видимо, прототипом также и для Т. Фенне, см. указание на это на с. 162 монографии А. Фаловского), в RV наличествует целый ряд архаизмов. порой даже несколько неожиданных – так, на л. 89а фигурирует аористная форма (если это не недописанный -л-перфект): *Kuda twoj hospodar Izgecha / Wo Ist dyn herr hen gereisset*; на л. 93а зафиксировано сослагательное наклонение со связкой *byx*: *Jas kupil towar da lutzo by bylo sto bych ne kupil*; изредка появляется энклитическая форма дательного падежа личного местоимения (ср., впрочем, аналогичные западнославянские формы): *Mnoho ty mene sylisch da malo mi daJesch* (л. 40а), *Udalomisa tzto Ja sego dni wes swoi towar prodal* (л. 89); последний пример показывает, что в разговорнике встречается также дистантное расположение возвратного элемента, ср. еще некоторые примеры: *chotzusa stoboi sosnamiti* (л. 21), *Myllisa sego dni* (л. 56), *Nadobet se tebe steretzy* – *Ich wüll mi vor die wachten* (л. 80). Наряду с архаизмами, так сказать, общерусского распространения в памятнике явственно проступают диалектные черты, с определенностью выдающие его северо-западное происхождение, в частности, наиболее яркая морфологическая особенность древненовгородского диалекта – номинативы и -л-перфекты ед. числа на -е (*Bure kon 33a, priwesle 59a* и т.д.), а также псковское соканье (*zidove 5, meschytz Die monat 9a* и др.).

Индекс, сопровождающий издание тек-

ста, отвечает самым строгим научным требованиям. Составитель обычно правильно реконструирует нормализованную начальную форму², приводя за ней все словоупотребления. При подготовке издания А. Фаловскому остались непонятными несколько слов, выделенных в словоуказателе курсивом, – однако за время, прошедшее от публикации текста до выхода монографии, исследователю удалось прояснить большинство темных мест. Единственное общее замечание, касающееся словоуказателя, связано со способом передачи мягких согласных перед гласными посредством сочетания соответствующей латинской буквы с *j* (*olovjannyj, tjagat'sja* и т.п.): коль скоро мягкие согласные перед согласными и на конце слова обозначаются с помощью апострофа, кажется, логичнее было бы сохранить этот принцип и для позиций перед гласным. Немногочисленны и наши возражения по конкретным случаям. Так, для формы 3-го л. ед. числа наст. вр. *chramle* (л. 33) инфинитив корректнее восстановить в виде *храмать*, а не *хромать* [Вайан 1952: 299]. Небесспорна нормализация написания *Mesineck* (л. 16а) в виде *mezinok*: не исключено, что мы имеем здесь дело с тем же псковским диалектным изменением, которое обусловило замену формы *месяц* на *месек* (см. [Бьёрнфлатен 1993: 18]). Формы *osmotrylsa, osmotrilsa, posmotriti, posmotryti, Posmotriwschy, smotril* указывают на исконную инфинитивную основу с -и- и не дают оснований для подновления ее в виде -SMOTRET-. В XVI в. инфинитив к формам типа *иду* выглядел как *ити*, а не IDTI (ср. и в тексте: *Иу. Ити*). Для написания *Isgel* (Druscky lonskoi towar kotorou Ya ot tebe kupil Isgel moJu golowu – ...hefft min heifft botrübet – л. 84) наиболее естественным было бы чтение *изъел*, а не *съел* (как в издании на с. 147, 192). ср. выражение *изъедать. изъестъ сердце* "причинять/причинить нравственные страдания" в [СРНГ. 12: 176]; тот же глагол в значении "изъестъ". очевидно, представлен и на л. 77а (*Twoi*

² К сожалению, это самоочевидное требование далеко не всегда соблюдается в словоуказателях: последний огорчительный пример – индекс к "Архангельскому евангелию" [Миронова 1997]. составитель которого, следуя традиции советских изданий древнерусских памятников, вообще отказался от определения исходных форм и во многих случаях неверно атрибутировал формы словоизменения (так, например, формы глагола *ѣти* помещены под леммами *и.ма.мъ* и *и.мѣ.ти*, которые на самом деле представляют одну лексему).

сукпно chor *IsJel*), но эта форма почему-то не оговорена в словоуказателе.

Значение лексического материала RB для русской исторической лексикологии и лексикографии трудно переоценить: очевидно, что введение этого источника в научный оборот существенно обогатит наши исторические словари. Достаточно сказать, что, если бы издание А. Фаловского своевременно дошло до Института русского языка РАН, один лишь 23 выпуск Сл XI–XVII (вышедший в 1996 г.) пополнился бы новыми лексемами – *самопалокъ* и *свѣтъильня*, новым – прямым, а не переносным – значением слова *свинска*, более ранними (на несколько десятилетий) фиксациями слов *свалъ* и *сводникъ*.

Наибольшие нарекания в издании RB вызывает факсимильное воспроизведение рукописи: качество фотографий оставляет желать лучшего (однако это скорее вина типографии, а не издателя), к тому же листы не пронумерованы и перепутаны, что очень затрудняет сравнение оригинала с наборным текстом, – так, факсимиле л. 93а находится на с. 394, тогда как л. 93 – на с. 397, л. 94 – на с. 395, л. 92а – на с. 396.

Монография А. Фаловского о языке RB представляет собой чрезвычайно тщательное, можно даже сказать педантичное, в самом положительном смысле этого слова, описание графики, фонетики, словоизменения и лексики, базирующееся на сопоставлении материала рукописи с данными исторической русистики, диалектологии и сравнительного славянского языкознания – хотя приходится признать, что список цитируемой литературы включает далеко не все работы, важные с точки зрения рассматриваемой проблематики³. Исследователь подробнеем образом анализирует все способы обозначения гласных и согласных звуков, не оставляя без внимания ошибок в записи русских слов, и приходит к выводу о

том, что "анонимный автор умело отображал при помощи немецких буквенных знаков традиционную кириллическую запись русских слов", но при этом спорадически фиксировал и живые тенденции развития русской фонетики (с. 26–27) – в частности, аканье, редукцию безударных гласных, появление неорганических и протетических гласных, переход [’а] в [’е], [ѣ] в [и], цоканье и соканье и нек. др. Особого упоминания заслуживают необычные для русской фонетики явления, которые автор не без оснований сопоставляет с соответствующими фактами западнославянских языков: *e* на месте этимологического *ъ* (типа *loketh*, *Lodetzcka*, *pributeck*, *vbytek*, *otvreny*, *obetztisa* – с. 29), *kv* на месте восточнославянского [цв] (*Kwucky* "цветки" – с. 35), *dl* и *t(e)l* в формах *pokradli*, *propadla*, *pokradl*, *sizotel* (с. 35). В связи с последним образованием (а также формой *osabel* "озяб" – л. 12) уместно, думается, вспомнить чешские и словацкие диалектные формы типа *nesel*, *řekel*, *sedel* [Селищев 1941: 89], важные для более точной локализации инославянского источника RB.

Описание морфологии в работе А. Фаловского носит в значительной мере исчерпывающий характер. В порядке дискуссии можно упомянуть о том, что формы творительного падежа ед. числа *tym*, *tim* и местного падежа мн. числа (*w*) *tych* отражают скорее воздействие мягкого варианта местоименного склонения на твердый, нежели влияние адъективного склонения (с. 52). Несколько странно, что в параграфе о выражении прошедшего времени (с. 61) не оговорена уже упоминавшаяся форма *Isgecha* – даже если автор считает ее опиской. Невнимание исследователя к такой малоразработанной области глагольного морфосинтаксиса, как залоговые отношения, обусловило отсутствие информации о выражении возвратности (см. выше о дистантном *ся*).

А. Фаловский специально разбирает любопытные формы 1-го л. ед. числа наст.-буд. вр. тематических глаголов на -м, типа: *Ja Jeho ne chvalim* (л. 57), *kupilui Ja twoi towar Ili ne kupim* (л. 78а), *Jas toba sa strapnu saplatim* (л. 79), *Ja Idu w torg po gulam do wetzera* (л. 94) и т.п. – и подчеркивает их уникальность для восточнославянского ареала, заставляющую и в данном случае допустить возможность влияния других славянских языков (приводятся аналогичные чешские и словацкие формы – с. 58–59). Относительно уникальной формы род. падежа прилагательного *dobreho* (л. 42а) автор высказал следующее предположение: "...если она не ошибочна...

³ Так, новейшая "новгородоведческая" литература представлена только статьей [Зализняк 1991], к тому же обозначенной в списке сокращенным названием (замечим, кстати, что и книга А.И. Соболевского 1884 г. называется "Очерки из истории русского языка", а не "Из истории русского языка"); "Лекции по истории русского языка" А.И. Соболевского желательно было бы цитировать не по первому изданию, а по третьему, существенно измененному, или четвертому; не вполне ясно, что означает не раскрытое в списке литературы сокращение ESRJ на с. 69 и 125 (s.v. ZAVOTA/ZOVOTA): может быть, имеется в виду "Этимологический словарь русского языка" под ред. Н.М. Шанского?

то может быть объяснена только белорусско-польским влиянием" (с. 47); однако, на наш взгляд, и здесь более вероятен чешский или словацкий источник (*dobrého*).

Хорошим дополнением к фонетико-морфологическому анализу рукописи могло бы послужить синтаксическое исследование. Однако, к сожалению, синтаксические особенности языка RB, судя по всему, не вызвали у автора интереса. Между тем только в сфере падежного синтаксиса памятник демонстрирует ряд примечательных конструкций, как-то: родительный при глаголе *быть* (*Jestli v twojego towarüscha towaru 64, Ot stupi pusti Inych torgovat v kogo deneg Jest 78a*), именительный при финитной форме глагола (*podì somnoi da skasy prawda ne solgay* {так!} 58), родительный при глаголах зрительного восприятия, заботы и внимания (*Podì somnoi da posmotri moJogo towaru 62a, smotry towaru po dengach 75, posalui stregy ty moJeho ruchlet* {так!} 82a), винительный лица и творительный предмета при *подарути* (*Jas tebe tim cho-tzu podaryti 73*), может быть, винительный коммодальный при *болѣть* (*погу мене bolaJut* {так!} 57 – если это не датив, что, впрочем, менее вероятно, см. [Крысько 1997а: 107]).

Наиболее обширным, информативным и творчески исполненным разделом монографии является, несомненно, "Лексика". Нельзя не согласиться с выводом о том, что RB засвидетельствовал "состояние лексики живого, разговорного языка северо-западной Руси XVI в." (с. 67). Особое внимание А. Фаловский уделил словам малоупотребительным, зафиксированным в среднерусской письменности только единичными примерами либо вообще практически неизвестным. Около 11% словарного состава RB приходится на лексемы, которые если и документируются в исторических словарях, то лишь материалом не старше XVIII в. Автор делит эту лексику на следующие группы (с. 69–70):

а) слова (или значения), которые помимо RB отмечены исключительно в записях иностранцев и в источниках XVIII–XX вв. (*zavse* "часто", *chuj, sojka, vypachat', občest'sja, oblinjalj, tosklivo* и ряд других – всего 40 единиц)⁴;

⁴ Заметим, что выражение *ljazgovyj orech* (в RB – *lezgowy*) внесено в данную группу не вполне правомерно: оно представлено в [Сл XI–XVII. 8: 199] (статья *лезговый*) цитатой из "Алфавита" XVII в.; необязательность реконструкции *ля-* подтверждается статьёй *lězgovъ* в [ЭССЯ, 15: 35].

б) слова, не зарегистрированные другими иностранцами и известные лишь из позднейших источников (*perdnut', protorgovat', maslenik, pekar', čapat'sja, cypljatko, zin'ka, vyspat'sja, časok* и др. – всего 64 лексемы);

в) слова (или значения), представленные только в записях иностранцев XVI–XVII вв., но не подтверждаемые более поздними источниками (*kolover't, pozavtrie, kur* "penis", *murmonka, rozmir, schitrit', kupčín* и др. – всего 25 единиц);

г) слова, выражения и значения слов, составляющие специфику RB и не известные из каких-либо других источников (*področit', komgan, kosjačik, tisknut', piščalo, zajakotlivyj, netoropjačij, buska, perstica, nesležalij, prigožnyj, proležat'sja, jarica* "шкура молодой овцы", *rannaja zvezda, šurina, prosužnyj master, kambrejskoe sukno* и т.д. – всего более 100 единиц).

Лексический раздел книги завершается комментариями к 319 лексемам (с. 78–160). Это исследование, основанное на материале опубликованных свидетельств иностранцев о русском языке, некоторых собственно русских памятников (в особенности "Вестей-курантов"), исторических и диалектных словарей и Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв., проведено А. Фаловским настолько тщательно, столь убедительно проанализированные им немецкие параллели, что авторам Сл XI–XVII следовало бы в ряде случаев не только дополнить его примерами из RB, но и внести поправки в уже вышедшие тома; в частности, для слов *опружитися* и *опружатися* значение, вероятно, надо было бы сформулировать иначе, чем это дано в 13 выпуске словаря, а именно – "упасть, опрокинуться" (ср. с. 154 рецензируемой монографии). Лишь некоторые интерпретации А. Фаловского вызывают на дискуссию. Так, не единственно возможной представляется реконструкция инфинитива *smjat'* для написания *Ismeľ* в предложении: *Czemu ty moi towar Ismeľ – Warumb werpestu mine war Vmme* (л. 63). Автор считает перевод неточным (с. 143), однако здесь можно усмотреть не значение "смять", а значения "опрокинуть; разметать" (ср. там же современные немецкие параллели к *umwerpen – umwerfen, umherwerfen*) – и в этом случае инфинитив восстанавливается в виде *измести*, где *-мести* семантически точно соответствует нем. *werfen*. Такое понимание текста как будто подсказывается аналогичным местом в разговорнике Фенне (336.4). Форма твор. падежа *жеравлѣм* в сочетании *подобіем жеравлѣм* отнюдь не "возникла в

результате ошибочной интерпретации формы *жеравлиным*, записанной в сокращенном виде под титлом" (с. 116), – это совершенно закономерное образование притяжательного прилагательного с суф. *-j- от существительного *жеравь*.

В итоге подробного анализа лексики RB лишь 14 написаний так и не получили, по мнению А. Фаловского (с. 78), вполне удовлетворительной идентификации (хотя необходимо заметить, что для большинства проблематичных слов исследователь все же предложил убедительные конъектуры и истолкования, и помещение их под рубрикой "недостаточно идентифицированных" объясняется главным образом высокой требовательностью автора): для восьми не удалось с уверенностью восстановить исходную форму (*sa... sosnamiti, serdack* "кухонная плита", *Truchle, Dorohyn, Bessenden, Baltauß, MahynskyJe, ten*), для трех – значение (*Kolodnück, Wor weluck, bur*), для трех – и то и другое (*Wollinsckaia, tilno, wurmick*); к этому же ряду примыкает, по всей видимости, и форма *Otwetzalsemsa*, расцененная как "неясная" (с. 159). Думается, что для первого из перечисленных слов (реконструированного в виде *zoznamit' sja?*, с указанием на наибольшую вероятность его близости к чеш. *seznámít se* и особенно словац. *zoznámii' sa* – с. 97) нормализованную форму можно изобразить в виде *zoznamit' sja*, поскольку семантика взаимного действия ("познакомиться") естественно было передавать приставкой *so-* (ср. *sojtis'*). Написание *serdack*, приведенное в русско-нижненемецком словаре (л. 22а) в качестве синонима к *Oschestok* "углубление для горячих углей на краю печного шестка", вряд ли должно читаться как *чердак* (с. 100) – начальное *c* обычно передается в RB посредством *sz* или *s* (нередкое написание *sto* "что" скорее отражает сокающее произношение [ш], ср. *сто, сто бы* в берестяных грамотах [Зализняк 1995: 680]), – но может быть сопоставлено, особенно с семантической точки зрения, с сев.-русск. *жераток* или *жараток* [Сл XI–XVIII, 5: 75, s.v. *жаратокъ* в знач. 2; СРНГ, 9: 74, 130]. Правда, формальные отличия от гипотетического прототипа весьма существенны, однако их все же допустимо объяснить явлениями диалектной фонетики, представленными как в RB, так и в псковских памятниках (см. [Крысько 1997б: 126]), – редукцией безударных гласных (см. примеры на с. 27–29 монографии), смешением звонких и глухих согласных (ср. *proglubal* на л. 90 vs. *proglupal* 55а – с. 15 мо-

нографии), меной [a] и [o] в ударной позиции (ср. *Moja golowę* – л. 54, *Porę nam Rosytisa* 84а – с. 27). Что же касается загадочного *Otwetzalsemsa*, фигурировавшего в предложении *Otwetzalsemsa stoboi torgowaty* – *Ick hebbe vorlawet mit die kopschlagen* (л. 93а), но позднее вычеркнутого и замененного (другим почерком) на *Jas savetzalsa*, то оно, как мы полагаем, должно пополнить список западнославянизмов в RB: по своей структуре эта форма явно напоминает чешские рефлексивы типа *Vrátíl jsem se* "Я вернулся", а по семантике – стар. чеш. *odvětili se* "отказаться, отречься" [Jungmann 1836: 882].

В заключение своего исследования А. Фаловский посвятил несколько страниц "Заметкам о месте и времени возникновения памятника". Утверждая, что RB "не документирует какой-то конкретный местный говор (например, псковский), но представляет конгломерат разных территориальных разновидностей тогдашнего русского языка", автор констатирует, что "информаторами немецкого автора могли быть и, вероятно, были люди, происходившие из разных областей России, в том числе белорусы и – может быть – выходцы из западной Славии, говорившие по-русски" (с. 161). В то же время можно "указать на Псков как место появления" RB: языковые черты, представленные в памятнике, по отдельности выступали и в других говорах, однако в целом могут быть отнесены только к псковскому говору (с. 162). В вопросе о датировке текста А. Фаловский склоняется к середине XVI в. (с. 167). Все эти выводы трудно оспорить; заметим лишь, что участие в составлении разговорника иностранного информанта – носителя славянской речи – факт, о котором, пожалуй, можно говорить с уверенностью.

Итак, русская лингвистическая медиевистика обогатилась прекрасным изданием и основательным исследованием весьма интересного памятника. Особенно отраднo, что на этом эдичионная деятельность краковских русистов не прекратилась: в продолжение вышедшего в 1992 г. факсимильного издания "Русской книги" Томаса Шрове [Schroue 1992], в своем первоизданном виде крайне затруднительной для чтения. в 1997 г. был опубликован ее наборный текст со словоуказателем [Schroue 1997]. Это означает, что теперь – с учетом недавнего издания словаря Марка Ридлея конца XVI в. [Ridley 1996] – практически все важнейшие русско-иноязычные словари и разговорники XVI–XVII вв. стали доступными для исследования.

- Бьёрнфлатен Я.И.* 1993 – Псковские говоры в общеславянском контексте // Бьёрнфлатен Я.И., Нессет Т., Эгеберг Э. Норвежские доклады на XI-ом съезде славистов, Братислава, сентябрь 1993 г. Oslo, 1993.
- Вайан А.* 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Зализняк А.А.* 1991 – Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов славистики и vice versa // R Ling. 1991. V. 15. № 3.
- Зализняк А.А.* 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Крысько В.Б.* 1997а – Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.
- Крысько В.Б.* 1997б – Кости и письма: к поискам истоков древнего новгородско-псковского диалекта // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Oslo. 1997.
- Миронова Т.Л.* 1997 – Указатели слов и форм к тексту Архангельского Евангелия 1092 года // Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.
- Селищев А.М.* 1941 – Славянское языкознание. Т. 1. Западославянские языки. М., 1941.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–23. М., 1975–1997.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 9. 12. Л., 1972, 1977.
- Строев С.М.* 1841 – Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841.
- Фаловски А.* 1992 – Введение // "Einn Russisch Buch" by Thomas Schroue. Cracow, 1992.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15. М., 1988.
- Jungmann J.* 1836 – Slovník česko-německý. D. 2. Praha, 1836.
- Ridley M.* 1996 – A dictionarie of the vulgar Russe tongue, attributed to Mark Ridley / Ed. by G. Stone. Köln etc., 1996.
- Schroue T.* 1992 – "Einn Russisch Buch" by Thomas Schroue: the 16th-century Russian-German dictionary and phrase-book. Pt. 1. Introduction. Photocopies / Ed. by A. Fałowski and W. Witkowski. Cracow, 1992.
- Schroue T.* 1997 – "Einn Russisch Buch" Thomasa Schrouego: Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. 2. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich / Pod red. A. Fałowskiego. Kraków, 1997.

В.Б. Крысько, А.Н. Шаламова